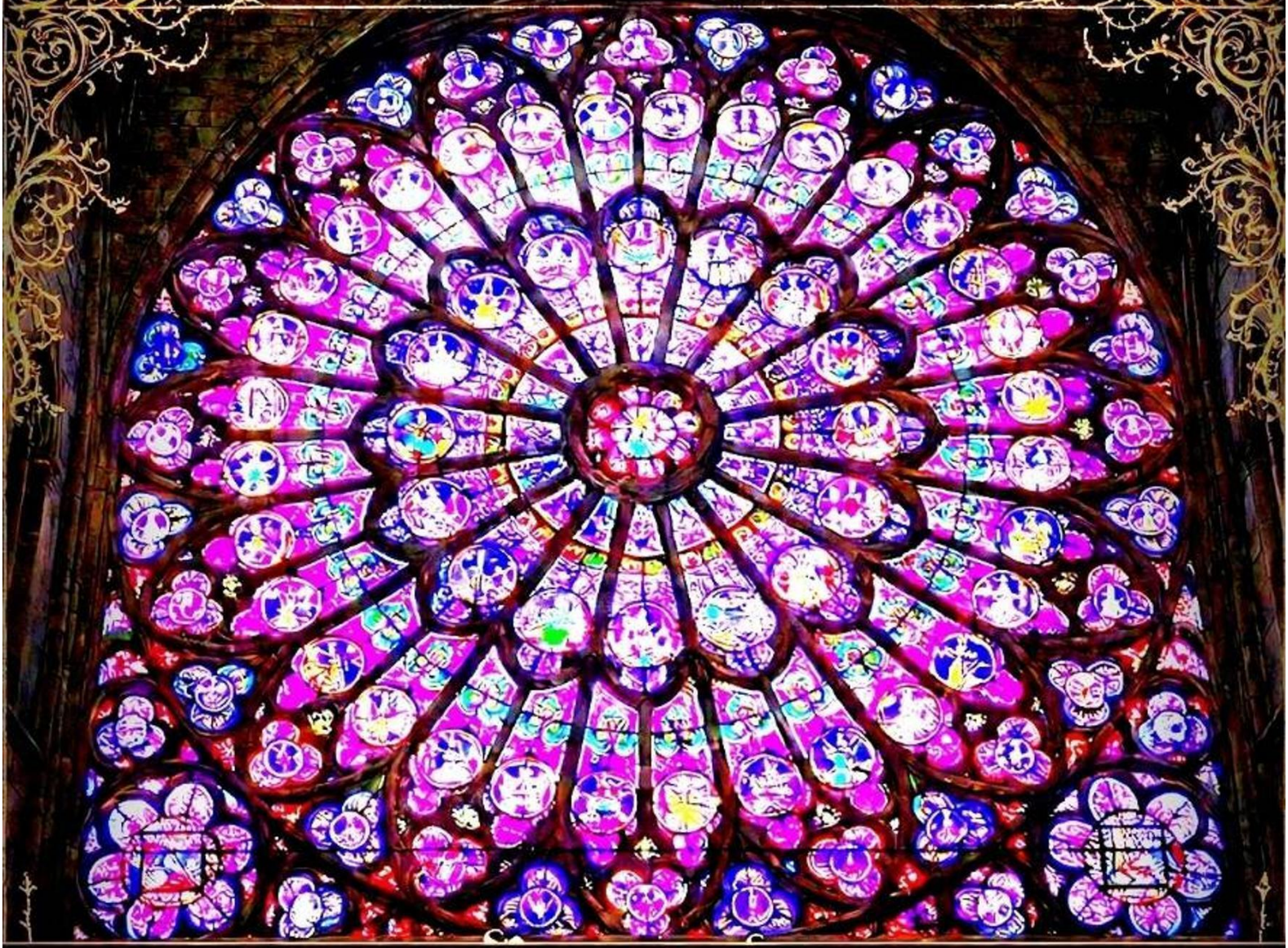
КАРАВАНЪ

10.

РАЗМЫВА

ВАКЕР

Валкер

КАРАВАНЩИК 10

«Автор»
2026

Валкер

КАРАВАНЩИК 10 / Валкер — «Автор», 2026

Заключительная часть трилогии про героев средневековой Франции. История Рагмильды — сердце судеб Гийома, Паскаля, Жоан и всех, кто прошёл путь "Караванщика".

© Валкер, 2026
© Автор, 2026

Валкер
КАРАВАНЩИК 10

Если жизнь не течёт по милости Небес, то она петляет по лабиринту человеческих желаний. При любом раскладе мы можем нести только то, что сможем поднять. Но, главное – не свалиться, не оступиться и не отступить под тяжестью ноши.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Enigma sui temporis

Пролог

Женщина пыталась весь путь следующего перехода приблизиться к старику с расспросами о ночном виде́нии, но караванщик оставался недосягаем для неё, словно некий невидимый барьер умышленно разделял их. Её отчаянию не было предела. Караван медленно с трудом, преодолевал песчаные горбы барханов. Наконец, на очередном спуске она скинула с плеч увесистый рюкзак и плюхнулась, уставшая, на горячий песок. Караванщик бросил через плечо на неё свой полный сострадания взгляд и дал команду остановиться. Народ радостно загудел в предвкушении долгожданного отдыха. Солнце стояло в зените, неимоверно раскалив воздух до состояния волнообразных потоков. Старик подошёл к женщине. Она с трудом подняла влажные от пота глаза, но ослепительный свет не позволил ей отчётливо разглядеть стоящую перед ней фигуру. Силуэт то расплывался, то вновь собирался в некий образ. Так и не распознав перед собой лица караванщика, она, полуослеплённая яркими лучами, закрыла тяжёлые веки и повалилась на спину, раскинув руки. Женщина сдалась меланхолии. Внезапно безразличие и опустошение явились незваными гостями и направились к ней, к её состоянию. Они жадно расправили свои протуберанцы-завихрения, желая завладеть её энергией, унести её с собой. Караванщик увидел, как враждебный вихрь стал быстро приближаться к ней, и стремительно нагнулся к женщине, чтобы оберечь её от непрошеных существ. Он опередил их буквально на мгновение, создав защитный барьер из своей силы. Безразличие и опустошение наткнулись на невидимую преграду и, оскалившись, изменили свои очертания, превратившись в мерзких падальщиков пустыни – шакала и гиену . Старик припал к её уху, нашёптывая множество странных звуков:

– Клы-ша-фры-хо-апью-рогл-жих-баф-аш-тры-ууу-ший-ё-клы, – и сознание уставшей женщины унеслось за горизонт прошлых событий, когда ...

... Рагмильда не давала Оливии никаких поблажек учинять истерику из-за отсутствия Аделарда. Каждый раз её появление со строгим выражением лица моментально осушало мокрые глаза новоявленной мамаши. Та принималась тихонько скулить себе под нос лишь после очередной кормёжки младенцев, когда знахарка спускалась вниз на кухню руководить текущими делами. Паскаль рассказал новому хозяину историю, которая с ним приключилась в деревне, где проживала Жоан и упросил его разрешения поскакать за её родителями, что ожидают его на постоялом дворе в Байё. Господин дал своё согласие привезти их сюда и наказал Паскалю отныне и неотрывно быть при хозяйке и детях в качестве телохранителя. Он отныне обязал его такой неотъемлемой службой. Любитель одиночества и покоя, мастер Гийом де Мартэ, стал невольно обрастать со всех сторон новыми персонажами. Мечник господ де Мартэ до утра побыл в шато и с первыми лучами Жоан проводила его в путь до главных ворот поместья. Она не хотела с ним расставаться, но радость ожидания родителей была превыше всего.

Девушка нашла своего рыцаря, а он – даму сердца. Созревал новый союз красивых тел и благородных сердец. Хозяин шато, удостоверившись, что с сыном всё в порядке и никаких последующих признаков заболевания у него нет, озвучил супруге своё решение возвратиться в Париж на стройку. Клара прекрасно понимала его миссию и лишь глубоко вздохнув, безропотно приняла его волю. «Кормилец должен ревностно заботиться о семье или же, вовсе её не заводить – это негласный кодекс чести для каждого порядочного мужчины, как главы семейства»: как-то однажды сказал ей решительно Гийом, когда она упрекнула его в постоянных пребываниях на стройках, а не возле жены под пятóй её томных вздохов и кокетствующих ужимок. Однажды, брошенное им семя любви проросло во второй раз и дало свой всход. Но его хрупкий росток чуть не сломался на десятом году жизни. После отчаянной борьбы за его жизнь, этот росток обрёл новую силу и радость тянуться к свету в новом окружении заботливых рук, красивых лиц и отважных помыслов. Мастер был спокоен за сына. Мальчишка с огромной радостью и безо всякой ревности освободился от внимания родителей. Он даже почувствовал облегченье, что наконец перестал быть опекаем всеми вокруг. После того, как с девчушки сняли оковы железного костюма и облачили в девичье платье, рыжеволосый ангел моментально сделался в шато всеобщим центром забот и потаканий. По окончании изысканной трапезы, вызволив Жюли от назойливых докучаний, Филипп потащил её знакомить со своим шато. Отец не остановил сына, но лукаво подмигнул жене, что дети подружились сходу. Пройдя по всем коридорам снизу доверху, они затем укрылись в башне, где через бойницу был отличный вид на залив. Филипп мечтал о море. Он хотел странствий, новых открытий. Тайна двух детей со временем перерастёт в тайну двух чувств и однажды Филипп станет парусом для Жюли, а она – его ладьёй. Гийом де Марте в отличие от сына, наоборот, будет ведом по реке жизни Рагмильдой. Когда колокол в часовне отзвонил вечернюю службу, в шато въехало трое всадников. Паскаль исполнил свой благородный долг воина перед Жоан. Перепуганные и взлохмаченные мужчина и женщина наконец-то спешились и сжались в страхе перед неизбежным роком у неведомого им шато. Их тревожное состояние моментально рассеилось, когда из массивных дверей к ним выбежала их дочь с распростёртыми руками. После обилия радостных слёз, лобызаний, всхлипов и рыданий, Жоан подвела к ним Паскаля для более близкого знакомства. Воин сразу же взял своё и попросил у них её руки. Жоан вспыхнула румянцем и опустила глаза. Родители пали к железным стопам грозного воина, славя Деву Марию и его самого – спасителя их единственной доченьки. После хвалебных причитаний Жоан повела всех подкрепиться с дороги на кухню через задний двор. Её родители останутся в шато до конца своих дней, работая в хозяйском саду и впоследствии создадут уютный цветочно-зелёный уголок, который дополнит своей красотой шато, став завистью для соседей-феодалов. Гийом начал приготовления к отъезду. Его сотоварищ Аделард славно отдохнул и также был готов тронуться с ним в путь. Он даже начал беспокоиться и переживать за бесцеремонно оставленную им впопыхах Оливию и новорождённых крошек. Мужчины посовещались и решили на когге переплыть бухту до Харфлёра, а там на речной барке подняться по Сене до Парижа. За всеобщим обедом Гийом пообещал домашним приехать в шато через несколько месяцев, к зиме, когда стройка будет идти ещё более неспешно, медленно вырабатывая скопившийся за год строительный материал. Проведя с супругой невероятно бурную ночь, Гийом поутру тихо оставил Клару неразбуженной в блаженной истоме. Бесшумно зайдя в детскую, он нежно поцеловал сладко спящих Жюли и Филиппа, а затем с лёгким сердцем в компании Аделарда отправился в обратный путь. Мастер чувствовал, что очередная страница его жизни перевернулась и чистый лист был готов для пера новых обстоятельств.

Когда колокол в шато де Мартэ отзвонил вечернюю службу, далеко в Париже – в «Курочке», Рагмильда навестила подругу перед сном. Оливия заметила необычное напряжение подруги, но та лишь отмахнулась, растапливая ей на ночь камин в довершении очередных забот о её крошках. Затем, после кормёжки её самой и малюток, умаслив ей переменчивое

настроение очаровательными двойняшками, подруги на этой высокой ноте расцеловались и, пожелав друг дружке хорошей ночи с улыбками в десятый раз, наконец-то, расстались. Время шло ко сну. Рагмильда решила отужинать у себя наверху и приготовив на кухне скромную еду, подняла поднос в комнату. Она быстро разожгла камин и спокойно перекусила на сон грядущий. Ужин состоял из пышного хлеба, запечённых кусочков лука в зелени на обжаренных ломтиках хрустящей свинины с полным стаканчиком ароматного бургундского. Затем, она неспешно полистала книгу до прошитых страниц и, отрыгнув парами начавшегося в животе гармоничного брожения, под убаюкивающий треск поленьев, наконец, нырнула в объятия долгожданного одеяла. Сначала, её уставшее тело было сковано тяжестью дня, но совсем скоро оно стало привычно расслабляться и напряжение как бы испарялось, улетучивалось через ладони и стопы. Её внимание оставило за бортом память дел и событий прошедшего дня. Рагмильда неотрывно следила за телом, помятуя о ритме сердца. Она расслабилась настолько, что перестала его полностью ощущать, а дыхание стало поверхностным, неглубоким, словно женщина и не дышала вовсе, превратившись в само внимание, полностью став им. Несмотря на полное отсутствие тактильного осязания, Рагмильда явственно ощутила обилие волнообразных движений, раскачиваний, которые приблизились к ней. Они нежно касались её омывая и, затем подхватив, увели за собой в просторный океан сна: она шла по узкой мощёной улочке пустынного городка, как вдруг перед её очередным шагом стал резко проваливаться, обрушиваться грунт на несколько метров вглубь. Она поняла, что это ловушки и отметила их в памяти. Побродив в городке какое-то время, сон опять вернул её в исходное положение и она, зная о сих препятствиях, стала решительно обходить, не попав ни в одну из них. Пройдя такое нехитрое испытание, она увидала впереди более широкую улицу. Внезапно, возник некий крошечный объект серого окраса и стал двигаться прямо на неё, быстро увеличиваясь в размерах. Это существо было прямоугольной формы без рук, без ног, без головы, словно оно всё было вырезано из дерева. Рагмильда ощутила угрозу от него и в самый последний момент, когда это порожденье сна нависло над ней, женщина ударила его изо всех сил правой ногой. В её ушах раздался сильный глухой стук дерева о дерево или кости о дерево. Кошмарное существо исчезло. Резкая боль пронзила её правую стопу ... Сквозь сон Рагмильда согнула ногу и пощупала ноющий палец. С ним что-то было, он горел от боли. Проснувшись, знахарка откинула одеяло и посмотрела на случившееся. Палец был разбит. У ногтя была рана и гематома. Женщина запрыгала к столу за остатками вина, зная, что оно послужит благотворным успокоительным. Она оторвала от ночнушки лоскуток и обильно смочила его, завязав вокруг раны. Палец ныл тупой острой болью. Рагмильда запрыгала обратно к постели. Стиснув губы от боли, она опять завернулась в одеяло и сконцентрировалась на жжении. Оно постепенно стало проходить и она уснула. Весь следующий день знахарка пробыла в раздумьях о случившемся происшествии. Её ум безостановочно задавался вопросом об этом. Так и не найдя этому объяснений, она, хромая и уставшая от трудов по хозяйству, после очередного посещения Оливии плюхнулась в свою постель и забылась крепким сном. «Курочка» также спала крепким сном. Глухой тёмной ночью на втором этаже коридора заскрипели половицы и под неяркий свет свечного огарка две крадущиеся тени быстро скрылись в темноте комнат. В одной из них дрова в камине догорали и тусклый отсвет очертил массивную тень, которая подбросила очередное поленце в его голодное жерло. Проковыляв к люльке, тень склонилась над мирно сопевшими там близняшками и немного постояв, затем, тихо и медленно подошла к широкой кровати. Из-под плотного одеяла доносилось мерное дыхание. Тень нависла над спящим телом и, затем присев рядом, казалось, вынашивала некий свой план. Вдруг спящая фигура распрямилась и свободно раскинула руки. Шелковичные локоны веером разметались по подушке. Тень отпряла, но после снова приблизилась, только ещё ниже. Внезапно, смачная пощёчина обожгла лицо Аделарда и оттолкнув его, Оливия перевернулась на бок, при этом демонстративно показав тому спину. Он боязливо отсел от супруги на самый край и замер. В довершение, она пнула

его. Воцарилась пауза. Грозный капитан не проронил ни звука, сидя в ногах жены и был похож на побитую собаку. Оливия жёстко очертила границы. Она ясно дала ему понять: быть девушкой до свадьбы – это одно, а стать женой – совсем другое. Доселе хрупкая и беззащитная дева сейчас превратилась в сильную фигуру в их семейной партии. Она стала королевой. А грозный глава семейства моментально превратился в пешку с одним единственным правом на безошибочный ход. Её оголённая стопа так и застыла возле него, готовая добавить мужу в любую секунду очередную порцию удара. Супруг боязливо смотрел на неё и понял свой промах перед супругой и своими новорождёнными малютками, уменьшив их значимость, по сравнению с личными делами де Мартэ. От такого запоздалого признания его глаза увлажнились и по щетине скатились слёзы раскаяния. Одна, вторая и затем третья, упали на лодыжку жены. Они моментально обожгли сердце Оливии и охладили её праведный гнев. Она откинула одеяло и безо всяких слов упрёка прильнула к мускулистой спине любимого Аделарда, обвив его могучий торс своими хрупкими и нежными руками. Баланс энергий уравновесился. Женщина потянула его за собой. Её водная стихия теперь страстно ждала его огня. Она хотела кипеть, желала бурлить страстью в его крепких объятиях. Ей хотелось вихря чувств, эмоций, подчинения и повелевания – раствориться в бездне экстаза. И вот их скрипучее ложе вновь задвигалось и стало бить по стене Рагмильды, как когда-то, в брачную ночь. **Воистину, в жизни, как и в шахматах, – женщина главная фигура этих игр.** Разбуженная ударами, знахарка протёрла глаза, протяжно зевнула и отметила про себя, что мужчины наконец-то вернулись, во всяком случае, уж точно Аделард. Потянувшись, она проверила завязанный палец и, затем, морщась встала с постели, попутно набросив на плечи накидку. Камин давно погас и в комнате сделалось зябко. Женщина поворила кочергой груду пепла, нашла ещё тлеющий уголёк и запалила от него лучину для свечи. Помещение озарилось неярким светом. Рагмильда проковыляла к ставням и приоткрыла их. Она стала всматриваться в мерцающее небо, чтобы определить местоположение звёзд, а значит и данный час. Она знала созвездия и их расположения. «Ковш» ещё не ушёл за соседнюю крышу, а значит до рассвета была ещё одна стража, целых три часа. Увы, сон покинул её, к тому же, непрерывные удары по её изголовью всё равно не дали бы ей заснуть. Смирившись, она привела себя в порядок и решила пойти на кухню. Но, внезапно стук прекратился и женщина замерла. О, чудо! Воцарилась тишина. Прошла минута, затем ещё и ещё. Поразмыслив, знахарка переменила решение и, скинув с себя тёплую накидку, юркнула в почти уже остывшую постель. Как только она закрыла глаза, по её изголовью опять застучали, но ещё сильнее и чаще. Женщина состроила гримасу отчаяния:

– Видать, у милых был всего лишь короткий перерыв отдышаться и попить водички... Рагмильда свесила ноги с кровати, ещё раз проверила распухший палец и затем решила заняться хозяйством. Спустившись, она направилась на задний двор в загон. Знахарка накормила и напоила всех животных и заглянула в стойло – две лошади мирно кивали, закрыв уставшие глаза. Затем, она приготовилась доить коз. Они были куплены специально для Оливии, чтобы козье молоко дало ей сил, а её грудное молоко – больше сил младенцам для их роста. Наконец, две молочные козы освободились от жирного молока, наполнив два кувшина и принялись вырабатывать новое. К этому времени синева неба посветлела и признаки пробуждения «Курочки» становились более явственны: захлопали ставни, заскрипели двери, повсюду раздавались сонные голоса. Скот тоже отходил ото сна: фыркал, блеял, хрюкал, защебетала и забегала по двору птица. Взлохмаченная и растрёпанная, но счастливая Оливия, откинула одеяло и подошла к люльке. Крошки сладко сопели. Обнажённый Аделард храпел, уткнувшись носом в подушку. Этой ночью он постарался на славу, он снова сделал её счастливой. *Сколько раз он воспарял меня?* – пыталась она вспомнить. Оливия ощущала своё женское счастье всеми фибрами души и тела – милый муж, милые крошки, приличное хозяйство. Лёгкий стук в дверь застал её врасплох. Помятой, она приотворила дверь и через щель увидела Рагмильду с кувшинами. Знахарка с любопытством бросила взгляд на постель, но подруга постаралась помешать

ей лицезреть её супруга во всей своей мужской красе. С сияющими глазами, Оливия медленно провела язычком по губам, облизнула их и, с благодарностью приняв кувшины, улыбаясь, прикрыла дверь.

– Ну, ну, – поведя бровями прошептала Рагмильда перед закрытой дверью и, развернувшись, захромала к себе. Как только она уселась передохнуть, раздался стук. *Ну вот, опять!* – пронеслось у неё в уме. Она заковыляла обратно, надеясь увидеть Оливию. Отворив, она увидела перед собой смущённого Гийома.

Слух об омерзительной расправе над монахом белого ордена при исполнении своих прямых обязанностей от рук некоего «легата», и непредвиденная кончина бальи Кана дошла до самих иерархов Парижа. Они связали церковное и светское происшествие в единое дело – заговор против Церкви и короля – crimen laesae maiestatis. Этот вопиющий акт был явно государственным делом. Капитул созвал тайный совет, на котором решили выяснить все обстоятельства в малейших деталях и, по возможности, сыскать этого новоявленного «легата» руками радикальных служителей Церкви – цистерцианцев, которые только что проявили себя в подавлении катаров на юге страны. Было организовано четыре группы. Каждому монаху-дознавателю капитул выделил по четыре вооружённых стражника в кольчугах и плащах. Издали было видно: клетка-повозка в центре с белым монахом, тёмное кольцо всадников вокруг с ярко-красным девизом на тёмных штандартах и попонах – VINDICTA DOMINI. Бойтесь! Этим группам было позволено учинять дознание по сему факту. При наличии же пойманного лица расправу над ним не производить, но заковать в кандалы и доставить в Париж для дальнейшего следствия. Соответствующие грамоты с печатями были выданы всем группам. У цепных псов от имени Церкви горели глаза. Орден являл собою суть послушания Догме, но не Писанию. Это братство состояло из монахов, давших обет сознательной бедности. Они догматично проповедовали внешнюю чистоту нравов, не вникая в глубинный мир человека. Их суровость извратила и исказила всё, что нёс Спаситель. Тела таких братьев были иссушены постами, бдениями и тяжёлой работой, когда плоть пыталась пробить себе дорогу для новой жизни. Их фанатизм по отношению к жизни был так силён, что им удалось оболгать эту саму жизнь в грехе и сговоре с сатаной. Итак, созданный капитулом особый отряд из двадцати человек был разделён на четыре направления и он отправился в путь. Им позволялось харчеваться и останавливаться на постой бесплатно от имени Церкви, на что указывали гербовые бумаги с регалиями на них. В то время корчмари не умели ни читать, ни писать и, поэтому при внезапном появлении тёмных фигур данные бумаги не требовались. Каждый постоялый двор старался угодить дознавателям и умаслить их. Страх и боязнь бежали впереди тёмной когорты, наводя на всех ужас. И запуганные корчмари добровольно, безо всяких причин оговаривали кого угодно и несли всякий вздор с чепухой, лишь бы только показаться лояльными им. Это немного запутывало дознавателей, уводило в сторону, но зато чрезмерно тешило их самолюбие и гордость. Раздавая трактирщикам благословения после каждого постоя, группы двигались дальше, вынюхивая любой след, цепляясь за любой малейший факт. Во главе всех групп стоял брат Жоффруа. Этот цистерцианец прослыл отменной ищейкой, опытным и хитрым дознавателем. Он лихо подтасовывал факты, умело расставлял логические сети, из которых попавшему вырваться не было никаких шансов. Его софистика и демагогия легко вписывалась в канву чинимых им дел. Внешний вид монаха с открытым взглядом, правильными чертами лица, добрыми глазами и неспешными движениями очаровывали всех. Его терпеливый нрав выслушать собеседника, не вспылить, не вставить своего слова или навязать своё мнение обезоруживали многих. Он, всегда со страдающей улыбкой раздавал милостыню всем попрошайкам и нищим. Оборвыши постоянно крутились у его ног. Все они были обласканы им и невольно делались доносчиками, становились его глазами и ушами там, где не протиснится ни один взрослый нос. Трюк брата Жоффруа был поистине великолепен и чудовищен. Он всегда казался своим, был

на стороне добра с протянутой рукой. Его слёзоточивое радушие в коленопреклонённом виде перед осуждёнными о безусловной помощи им, всенощные бдения в камере приговорённых с неистовым самобичеванием по своей истерзанной плоти во спасение оных бедолаг от жестоких и несправедливых наветов – невольно заставляло невинных каяться и оговаривать себя с итоговой участью взойти на плаху или шагнуть в костёр. Он мог вывести на чистую воду самого Создателя. Это был настоящий демон с радушным сердцем, с крестом в руках и евангелием подмышкой. Когда церковный отряд дознавателей достиг Кана, цистерцианец сразу же навестил вдову покойного, выказав той соболезнования. Он провёл с ней деликатную беседу, из которой ничего не узнал кроме одного факта, что у её мужа был доверенный немой слуга. Брат Жоффруа приказал найти этого слугу, перевернуть весь город, но тихо и без шума. Вдова бальи быстро сообразила в чём дело и, несмотря на свой безобразный вид, тугой на ум не была. Для неё это был прекрасный повод отвести от себя подозрения в насильственной смерти супруга в силу своих извращённых утех и, она приказала всячески содействовать в поимке и задержании того слуги. Затем брат Жоффруа ещё раз допросил охрану управы бальи о возможных подозрительных фактах и приказал их задержать для дальнейшего дознания (с пристрастием). Из соседнего городка на допрос был также спешно доставлен палач, который был свидетелем того злодеяния. Курьёзный случай или помощь Небес случился тогда: во время казни один из приговорённых молил небо о пощаде и когда тяжёлый топор был готов отделить невинную голову от трясущегося тела, внезапный шум остановил процессию и палач без разговоров был взят с эшафота в полном замешательстве. А соглядатаи чёрного барона заметили в городе подозрительные движения и сразу же донесли своему хозяину. Для Жерома де Нуаре скоропостижная смерть бальи внесла сумбур в его планы, ибо негласный мост сотрудничества между ними был внезапно разрушен и преступнику предстояло возводить новую кооперацию с будущим супругом Канской жабы. После нескольких дней допроса, у брата Жоффруа был словесный портрет с детальным описанием благородного костюма злоумышленника и приблизительный вид доспехов его сопровождающего рыцаря. Вздёрнутый под пытками палач скончался (тому осуждённому бедолаге повезло). Немого слугу так и не удалось найти, а главное свидетельствующее лицо – какую-то девку – допрашиваемые охранники от страха совсем упустили из виду, напрочь забыв. Итоговый набор фактов брат ясно изложил трём группам. Посовещавшись над картой – первая группа двинулась на юг, вторая на север, третья на восток. А брат Жоффруа отправился в Шербург. Туда вёл его внутренний голос, интуиция. И вот, опытная ищейка пошла по следу.

Шторм накрыл побережье. Огромные волны били о скалы. Гром и молнии взрывали ночное небо неистовым шумом с причудливой фантасмагорией безумных вспышек. С очередным раскатом, Жюли проснулась от страха и решила пристроиться к брату. В её глазах он был бесстрашным мальчиком и с ним ей было спокойней, нежели лежать одной за ширмой. Ей надо было только добежать до него через всю детскую, сквозь страшный провал тьмы, где ужасные тени (от обилия оживших вещей) могли своими корявыми руками схватить её за ногу. И Жюли собралась с духом: она стремительно потащила одеяло по всей спальне к его кровати и бесцеремонно залезла к нему. Сонным, Филипп, перевернулся на другой бок, а она устроилась рядом, закутавшись в свою перину. Девчушка вздрагивала каждый раз, когда гром рычал и ревел подобно голодному зверю, готовому проглотить кого угодно в своё бездонное чрево. Когда очередная вспышка озарила шато, дверь в детскую со скрипом приоткрылась и чудище огромных размеров тенью проскользило по стене в их комнату. Жюли натянула одеяло на глаза и, зажмурясь, поджала колени. Её брат спал как ни в чём ни бывало. Её бедное сердечко заколотилось всем трепетом вслушиваясь в шаги и лязг металла. Она заныла, тормоша брата:

– Филипп, Филипп, мне страшно, здесь чудовище.

Ей удалось его расшевелить. Кряхтя, он привстал на локте посмотреть какое такое чудовище бродит в их комнате, и внезапно закричав, с силой рванул на себя одеяло с сестры. Она взвизгнула и зажмурясь замахала кулачками перед собой. Комнату заполнил её пронзительный визг. Жоан, смеясь сидела у потухшего камина и колдовала над ним, чтобы наполнить помещение тёплом и светом. Открыв глазёнки, Жюли толкнула брата в бок и смешно прошепелявила:

– Это было не смешно, Филипп, – сделав ситуацию ещё комичней.

Надувшись, она слезла с постели и уселась между ног Жоан, которой наконец-то удалось зажечь огонь. Языки пламени затанцевали под неистовый свист ветра в дымоходе. Из камина повеяло теплом. Филипп тоже сполз с постели и примостился рядом, при этом игриво ущипнул сестру и взъерошил копну её шелковистых прядей. За это она показала ему язык. До утра было ещё далеко и их спасительница пообещала, что останется с ними. Под треск поленьев девушка запела им колыбельную, которую когда-то пела ей мама. Так, Жоан сидела в объятии детей и уже мечтала о таких же своих.

Предместье Шербурга встретило цистерцианца серым промозглым утром. Было сыро. Низкие дождевые облака и свежий ветер с побережья пронизывали холодом каждый сантиметр пространства. Его сутана пропиталась влагой, ему скорей хотелось обсохнуть у очага, и брат Жоффруа повернул туда, где огонь и вино быстро согреют его озябшее тело. Завидев через открытые ставни тёмный отряд, который не сворачивая шёл к заведению по раскисшей хляби, заспанный корчмарь поспешно растолкал кухарок с прислугой и, согнувшись в три погибели, уже приветствовал слугу Бога на мокром пороге своего скромного пристанища. Через пару минут ранний завтрак коптился на вертеле, а душистое вино готово было налиться по чаркам. У брата Жоффруа от холода стучали зубы. Ему необходимо было срочно согреться не только изнутри, но и снаружи. Он вежливо осведомился у хозяина о комнате передохнуть и обсохнуть с дороги и ещё учтивей спросил о горячей воде, чтобы принять ванну. Его тон и манерность настолько обезоружили корчмаря, что тот пал в ноги святого отца, умоляя того остаться на неограниченный срок. Брат Жоффруа набожно перекрестил корчмаря скрюченными от холода синими пальцами и стуча зубами выдавил:

– Небо видит твою доброту, раб божий, и смывает грехи с твоей души.

Цистерцианца и свиту разместили со всеми удобствами. И если бы не срочные дела, кои обязывал его неотъемлемый долг, видит бог – он пробыл бы здесь не один день. К полудню прорехи голубого неба совсем затянулись тучами и округу объял нудный осенний дождь. Брат Жоффруа сел за бумаги. Онемевшими пальцами-крючками он строчил депешу в местную дознавательную управу, оповестив, что специальная миссия из Парижа не успела доехать до них из-за резкой смены погоды, и её главе пришлось обосноваться в корчме «Жареный кролик», и что он ожидает от своих братьев донесение о событиях в городе и округе за последнее время, включая слухи, сплетни, наговоры, поклёпы, наветы. Также он написал уведомление бальи и епископу о тайне визита в Шербург и просил их соблюсти конфиденциальность, не распространяясь о его приезде. Эти бумаги он отослал со своими посыльными. Ветер завывал в трубе камина, дождь бил по скрипучим ставням, а помытый и согретый брат Жоффруа размышлял, глядя на чарующий огонь, о следующих шагах по поимке преступника. Раздался приглушённый стук в дверь и сам хозяин внёс монаху скромный обед: бобовую похлёбку, ароматный хлеб, жаренное мясо, пучок зелени, душистое вино. В эту минуту брат во Христе забыл о своих скоромных обетах и хотел нормальной человеческой еды. Ставя перед ним поднос с едой, он склонился к самому уху дознавателя и прошептал, что стали ходить слухи, будто объявилась одна молодая ведьма, которая спасает от смерти. Потухшие от свинцовой пасмурности глаза цистерцианца внезапно сверкнули холодным блеском, до смерти перепугав корчмаря. Мягкие черты лица брата в упор смотрели на бедолагу, а его стальные пальцы медленно тянули за грудки трясущееся тело трактирщика, словно, паук расправлялся с безвольной мухой. И брат Жоффруа прошептал лишь одно единственное слово:

– Где?! ...

Осенняя тоска сковывала сознание, клонив всё живое ко сну, кроме коварного ума цистерцианца. К вечеру дождь перешёл в ливень.

Поутру госпожа де Мартэ поручила управляющему отправиться к её родственнику в соседний феод и доставить очередной годовой платёж или так называемую «помощь». В те времена всё держалось на личной верности: младший держал землю в дар от старшего, барон – от графа, граф – от герцога, а тот – от короля, своего сюзерена. Каждый платил своему господину не налог, а помощь – за право держать феод, за защиту, за подтверждение верности на текущий год. Сумма зависела от величины феода и его значимости. К деньгам всегда прилагалась грамота с печатью о заверении в верности. Серебро шло сеньору на его дружину, на поход или на выкуп – на его собственные дела, а не в какую-то центральную казну. Хотя само поместье де Мартэ и являлось мелким, но годовая помощь за определённое свободоволие и некую независимость всё же была высокой. И если бы не обилие заказов, чете де Мартэ пришлось бы туго находить серебро для сей платы. Для госпожи такой день с утра и до вечера всегда был нервным напряжением, тревогой, связанной с сохранностью отвозимых денег. Ибо бродяги и разные шайки знали про годовые отчисления и всяко хотели разбойным путём отсчитать себе деньгу за трудную жизнь. Поэтому, для Клары появление в шато профессионального мечника чрезвычайно облегчило жизнь, ведь грозный мечник был весьма кстати для этих деликатных дел. Обычно, время сбора очередного платежа приходилось под конец лета, когда с приходом осени заканчивались полевые работы и продавался урожай на базарах и рынках, пополняя тем самым господскую казну. После того как в Шербуре была засвидетельствована при свидетелях платёжная грамота от родственника-сеньора господ де Мартэ, управляющий вручил тому приглашение заехать на днях в шато де Мартэ для оформления личных бумаг хозяев. Когда дела были сделаны, он и страж семейства двинулись обратно. В пути их настиг пронизывающий дождь и управляющий предложил своему охраннику переждать непогоду и заодно откушать в «Жареном кролике», который они на удачу как раз и проезжали. Воин был не против, тем более когда платят за обед. Спешившись у конюшни, они изрядно удивились, увидев в стойле пять лошадей в тёмных попонах церковного отряда дознавателей. Войдя в тёплое помещение, воин отметил только четверых вооружённых людей в чёрном за большим столом в углу, лица которых были явно недружелюбными. В силу своей профессиональной привычки он определил их вооружение и просчитал обоюдные силы на случай непредвиденных обстоятельств. Пройдя мимо них к своему столу, два новых посетителя учтиво кивнули этой группе полагающийся им знак почтения. Те ответили взаимно. Когда трактирщик поставил на стол еду новым гостям, воин кивком головы указал ему на тех людей и спросил причину их присутствия. Корчмарь напыжился важностью и прошептал, что пошла молва о ведьме, которая исцеляет от смерти странным образом. Он привёл кем-то пересказанный ему недавний случай с умирающим мальчиком. Тут назло управляющий чуть было приоткрыл свой нетерпеливый рот, но Паскаль резко надавил под столом на его ногу и тот замолчал, прикусив свой болтливый язык. Согласно кивнув корчмарю, мечник насторожился. Когда они поели, управляющий расплатился и двое людей молча покинули трактир. Завернув в конюшню, Паскаль с силой притянул за шиворот управляющего и велел держать язык за зубами, что Жоан спасла Филиппа, если он хочет ещё любоваться восходом и закатом. Затем, как ни в чём ни бывало, они покинули трактирный двор. Через щель приоткрытых ставень брат Жоффруа внимательно наблюдал, как две фигуры всадников спешно удаляются со двора.

Гийом стоял перед Рагмильдой в сильном смущении. Несмотря на полумрак коридора, всё же можно было разглядеть на его лице румянец от сконфуженности, и Рагмильда это увидела. Став его постоянной соседкой в «Курочке» и пройдя с ним бок о бок часть жизненного

пути, она вполне могла допустить запрещённый нравами постулат и впустить к себе уже знакомого ей, благородного во всех отношениях, мужчину. Рагмильда улыбнулась и предложила ему войти. Они удобно уселись друг напротив друга. На столе находились кувшин с вином и глиняные кружки. Она налила ему, затем себе. Степенность и манерность продолжали сковывать Гийома и, он никак не мог прийти в свободное состояние духа, как это было прежде. Невидимые узы будто связывали его сознание, ум, мысли и поведение. Или, быть может, отсутствие всеми любимой рыжей юлы, изъяло свежесть и незатейливость в ритме его жизни, когда дочурка своим присутствием размывала границы и острую грань ситуации. Он не знал с чего начать. Безвыходное положение, как всегда, спасла Рагмильда. Женщина привстала, чтобы открыть ставни, но хромота её выдала, и Гийом живо осведомился о проблеме. Это была удачная завязка для беседы и знахарка не отмахнулась от неё. Затем присев, она поведала, что накануне с ней приключился странный сон или же явь, где она получила травму. Рагмильда в подробностях описала случившееся, а Гийом, слушая, внимал каждому её слову не перебивая. В конце её рассказа, под явным впечатлением, он залпом осушил свою глиняную кружку и волнительно произнёс:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.